

ДИАЛОГИ НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА

Театру имени Руставели сто лет. Юбилей дает прекрасную возможность сказать все те слова, от которых в обычное время воздерживаешься, предполагая в людях искусства неувлеченность собой и веру, что главное еще предстоит свершить. Юбилей дает возможность и необходимость вспомнить об истоках дела, которое, не будь оно заложено основательно, могло бесследно исчезнуть, не успев принести побегов и плодов. Юбилей предполагает и более широкий взгляд на локальное явление, ибо локальным оно на самом деле не бывает, а связано с общим состоянием культуры, которая в свою очередь есть отражение и достояние меняющегося времени. Обо всем этом шел разговор за «круглым столом» «Советской культуры».

А. Аникст, доктор искусствоведения: Недавно я был в Англии, на Международном шекспировском конгрессе, в программе которого состоялся семинар, посвященный постановкам Шекспира на сценах театров социалистических стран. Наибольший интерес участников вызвал спектакль Театра Руставели «Ричард III». Чем же объясняется столь общий успех этой постановки? (Спектакль игрался не только в Великобритании — в Лондоне и на Единбургском фестивале, но и в Италии, ФРГ, Франции, Мексике...). Думаю, что тут два обстоятельства, две причины. Органичность и смелость трактовки, соединенные с новаторством и экспериментированием, которое служит средством выражения глубоко современных идей.

Есть разница между новаторством, которое легко превращается в шоукарство, ибо лишено идей, которые его питают, и смелостью, основу которой составляет богатство духовной жизни художника. Таковы, на мой взгляд, Роберт Стурра и театр, который он возглавляет.

Я вижу в искусстве руставелевцев черты глубоко национальные и вместе с тем близкие всем другим людям. Именно грузинский дух придает свежесть и силу трактовке «Кавказского мелового круга». Актеры не смотрят на происходящее со стороны, но живут в ситуациях с большим темпераментом и внутренней проникновенностью. Этим же ключом открыта пьеса П. Какабадзе «Кваркваре», где грузинские национальные мотивы остро переплетены с чертами современной гуманистической критики всякого рода несправедливости и бесчеловечности. (Речь в пьесе идет о приспособленце, который тщится сделать и до поры с успехом делает основательную карьеру).

О. Табаков, народный артист РСФСР: Я не имею права ставить вопрос так, как ставит его доктор Аникст. Не берусь решать, какого Брехта нам показали — в его «чистом» виде или нет. Я могу говорить только о том, насколько спектакль созвучен времени, а с этим как раз все обстоит благополучно.

Для меня главное, насколько действующие лица оснащены нервной системой современного человека. Однажды ночью, после гостевого спектакля «Современника» в Тбилиси, Верико Анджапаридзе сыграла для нас сцену из «Меден». Перед нами была настолько современно чувствующая женщина, что мне стали понятны многие побуждения ее души, ранее представлявшиеся загадочными.

Г. Товстоногов, народный артист СССР: Сегодняшнюю эстетику руставелевцев я вижу в органическом соединении элементов национального искусства, психологиче-

ского театра и того, что дал сцене Бертольт Брехт. Это не эпигонство, это новый стиль, который они сформировали и который ярко, талантливо выражен в их спектаклях. Новизна покоряет, хотя для меня очевидно, что Роберт Стурра не мог бы сформироваться как художник без того, что дали грузинской культуре режиссерские искания Сандро Ахметели, который, как известно, был учеником Котэ Марджанишвили, в свою очередь, тесно связанного с искусством МХАТа.

Культура не возникает на пустом месте, притом что вопрос о прямом влиянии всегда сложен и, как правило, разрешается субъективно. У меня не вызывает сомнения, что значительные явления сегодняшнего театра так или иначе связаны с опытом МХАТа, с открытиями Станиславского. Но это вовсе не значит, что следует пройти мимо того, что дал сцене Брехт.

Э. Гугушвили, доктор искусствоведения: Для поколения современных людей Театр Руставели таков, каков он есть сегодня. Мне как театроведу положено знать и помнить прошлое. Знать, что на протяжении всей истории грузинская сцена была тесно связана с идеей национально-освободительного движения. Знать, что театр, который в 1921 года стал называться Театром имени Шота Руставели, был возрожден к жизни усилиями Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели — известных грузинских писателей и общественных деятелей. Знать, наконец, что художественная форма спектаклей выражала свободолобивые, патриотические чувства народа, и оттого ей так пристали kloчущий темперамент, неистовство страстей, звонкий актерский голос.

Г. Товстоногов: В годы своего отрочества я застал удивительный театр Сандро Ахметели — театр потрясающих ритмов, редкой пластики, ярко выраженного национального характера. Этот стиль выдерживал патетику, она была для него естественной. «Анзор» С. Шанишавили, «Ламара» по Важа Пшавела, пиллеровские «Разбойники» захватывали пафосом борьбы, духом романтического бунтарства.

А. Аникст: Время модифицирует традиции — пафос освобождения, характерный для творчества основателей современной грузинской режиссуры, обретает у сегодняшнего театра форму более многостороннего отображения действительности. В ней соединены и пафос, и критика, и патетика, и сатира.

О. Табаков: Для меня Театр Руставели интересен прежде всего тем, что принадлежит сегодняшней жизни. Этим вызваны его художественные поиски, направление всей его деятельности. Он задает себе сложные вопросы и не уходит от ответов.

Он спрашивает, что нравственно и что безнравственно, он задумывается не только над тем, как жить, но зачем жить.

Не в том главное — все спектакли руставелевцев одинаково хороши или нет. Самое большое достоинство коллектива я вижу в его причастности к изменениям, которые происходят сейчас в жизни республики и связаны с известным постановлением о работе Тбилисского горкома партии. Литература, кинематограф, сцена возвращают нам тот ореол, которым был окружен грузинский мужчина — борец, джигит, защитник справедливости.

Г. Товстоногов: Перед нами умный театр — он на уровне сегодняшних идей в самых разных областях: в науке, философии, политике. Это чувствуется в ходе его размышлений.

Э. Гугушвили: Передовое русское искусство всегда считало сцену кафедрой, с которой можно сказать миру много добра. Этот взгляд впитывали и открыто претворяли замечательные актеры дореволюционной поры: Васо Абашидзе, Ладо Алекс-Месхишвили, Нато Габунис, их соратники по сцене.

Эпоха революции наложила особый отпечаток на деятельность Театра им. Руставели. Она определила его искания в области возвышенного, героического, романтического искусства. Первый же спектакль Котэ Марджанишвили «Фуэнте Овехуна» принес руставелевцам, а вместе с ними грузинской сцене подлинное обновление. Я могла бы назвать немало известных всем имен, от Акакия Хоравы, Акакия Васадзе, Серго Закариадзе до С. Канчели, М. Чахава, Г. Гегечкори, Э. Манчгаладзе, но хочу как высшую похвалу вспомнить слова Вл. И. Немировича-Данченко о самой великолепной романтике в самой простой форме.

О. Табаков: Маркс говорил, человечество весело расстается со своим прошлым, и именно этим, по моему, занят, этому отдает себя театр, стремясь сделать жизнь разумнее, радостнее.

Если же отойти от теории, то для меня романтизм — взахлеб заниматься своим делом. Актеры увлечены пребыванием на сцене, и зал увлекается вслед за ними.

Играть надо азартно. Както один режиссер сказал мне: ты что, с цепи сорвался, играешь так, будто завтра умрешь. Когда я вижу Рамаза Чхиквадзе в «Кваркваре», «Ричарде III», у меня такое впечатление, что он может умереть сегодня. Я говорю о прекрасной радости, которой одарил меня мой замечательно умелый коллега.

Рост сценического мастерства — и режиссерского, и актерского — чрезвычайно важен сегодня. Только я еще раз хочу сказать о времени. Талант — в умении его слышать и слышать не старые, а новые песни. Театр Руставели умеет это делать — его художественная практика подвижна, он чутко улавливает голос улицы. Он умеет считаться со зрителем, не теряя себя.

Г. Товстоногов: Без учета зрителей современный театр вообще не может существовать. Речь не о духовной близости сцены и зала, к этому искусство стремилось

всегда, но об эстетических вкусах публики. Сегодня они иные, нежели были вчера, и театр не в праве игнорировать это.

В эстетические привычки зала сегодня входит Брехт, но это вовсе не значит, что исполнитель вправе миновать процесс перевоплощения: путь этот надо обязательно пройти. Судья Аздак, сыгранный Р. Чхиквадзе в «Кавказском меловом круге», — пример такого рода исполнения в самом высшем качестве. В его работе — точность рисунка, определенность мысли, острейший характер. Соединение, которое я чрезвычайно ценю, — перевоплощение плюс показ.

Сейчас театр переживает кульминацию избранного им художественного пути, однако выразительные средства требуют обновления. Стабильны метод, система, их надо углублять, средства же не универсальны, их определяют автор и время. То, что я видел у руставелевцев, позволяет думать, что они это прекрасно понимают. Подтверждение я вижу в истории грузинского театра, тесно связанного с русской и советской сценой.

Э. Гугушвили: Так было с самых первых дней — «Горе от ума» поставлено в Грузии уже в 1832 году, а руставелевцы всегда играли русскую и советскую классику. И система Станиславского была известна театру не понаслышке: Марджанишвили работал в Художественном...

А. Аникст: Всякое хорошее искусство побуждает настоящие таланты к самостоятельному творчеству. Так в свое время Станиславский активизировал творческую энергию Мейерхольда и Вахтангова, поэтому и такой театр, как Руставели, может побудить других режиссеров искать свое собственное лицо, свой особый стиль. Личность режиссера в сочетании с национальными традициями актерской школы может дать в итоге нечто свежее, оригинальное и даже совсем не похожее на то искусство, от которого пошло.

Г. Товстоногов: В принципе вы, конечно, правы, но я боюсь эпигонства. Всякий яркий талант вызывает подражателей, искусство теряет суть, становится заурядным.

О. Табаков: А что если посмотреть на это с другой стороны? Когда я увидел «Кваркваре», то несколько дней только и делал, что рассказывал всем об этом спектакле. Взаимовлияние — это ведь еще и то, что вызывает в тебе самое желание работать лучше. Ты начинаешь понимать, какого уровня можно достигнуть в твоём деле. Это важно, это незримо пройдет через тебя и заставит измениться.

В этом смысле каждое талантливое искусство не локально, а принадлежит всем. Искусство — явление духовное, и мы испытываем его власть прежде всего в этой области.

Г. Товстоногов: Талант же эту власть удесяттерает и делает подлинной — так, если позволите, я закончу вашу мысль...

Театру сто лет. Но путь его может длиться годы и годы, если каждое поколение внесет в движение свою лепту.

«Круглый стол» вел
Н. ЛОРДИПАНИДЗЕ.